

О месте философа, Русской идее и культурном пространстве

О.К. Авдеев. В течение нескольких последних лет в России происходит заметная активизация гражданской жизни. Проходят многочисленные митинги – то оппозиционные, то провластные, обсуждения на страницах СМИ и на просторах Интернета становятся все жарче. В последнее время эта гражданская жизнь вспыхнула с новой силой в связи с событиями на Украине. Они сплотили наше общество, и неожиданно для всех под их влиянием стал более актуальным вопрос о философах и власти. Например, Александр Бородай – философ по образованию – играет существенную роль в событиях в Новороссии и даже становится премьер-министром Донецкой Народной Республики. Вопросы «философ и власть», «философ и политика», «философ как политик» встали с новой остротой. Хотелось бы у вас спросить – как вы думаете, как соотносятся эти понятия, эти направления в общественной жизни и насколько философ хорош в качестве человека, занимающегося политической деятельностью?

В.В. Миронов. Чтобы выразить свое мнение, я начну со смешной и, может быть, пикантной истории. Когда открывался наш новый корпус, я, как декан, читал студентам первую вводную лекцию. И в какой-то момент, рассказывая студентам о перипетиях развития нашего факультета, его закрытия почти на сто лет, произнес фразу, которую достаточно часто повторяю, о том,

что философия, как мне кажется, должна быть дистанцирована от власти. Прямо на последнем слове открывается дверь и в сопровождении ректора МГУ В.А. Садовниченко в аудиторию входит тогдашний мэр Москвы Ю.М. Лужков. Студенты смеются, а я объясняю высоким гостям, в чем причина этого веселья. При этом надо иметь в виду, что Юрий Михайлович Лужков очень много помогал Московскому университету, в том числе и в самые трудные постперестроечные годы его существования.

Но за моей фразой лежит как раз не момент некоего неуважения к власти, что я после попытался объяснить студентам, а нечто иное – сложность взаимоотношения именно философии и власти, ибо философия неизбежно как свободное мышление может вступить в противоречие с властными установками, и конкретный мыслитель (и даже целый факультет, как было в истории) могут оказаться власти неудобны. Философ выступает как свободный мыслитель и конструирует свои идеи на высшем, иногда предельном уровне обобщения, что и определяет сущность метафизического подхода. Конкретные перипетии и мировые события он может рассматривать иногда лишь как частный случай развития общества или культуры. Гегель в своих «Лекциях по истории философии» отмечал, что философия не может быть сведена к мнениям отдельных ее представителей, она образует единое смысловое пространство, в ко-

Впервые опубликовано на сайте «Русский консерватизм.рф» 15 и 24 сентября 2014 года.

Миронов Владимир Васильевич, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Авдеев Олег Константинович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор проекта «Актуальный русский консерватизм».

тором осуществляется поиск предельных истин. В этом ее метафизическое предназначение, которое принципиально дистанцировано от частных проблем, решаемых государством и властителями. Философ должен стремиться к истине, приятна она кому-либо или нет.

Поэтому нельзя того или иного философа, например, упрекать за неудачную реализацию тех или иных идей, которые он выдвигал. Так иногда Ницше делают чуть ли не прямым предтечей идеологии немецкого фашизма, а теоретическую концепцию К. Маркса винят в тех проблемах развития общества, которые возникли в нашей стране. Мыслитель предлагает идеи, они должны быть обоснованы, а дело правителя принимать решение об их реализации, соглашаться с ними или нет. Именно в этом смысле философ может остаться свободным даже в рамках самого тоталитарного общества, и, напротив, мыслить несвободно в условиях самой оголтелой демократии. Примеров и того и другого можно привести очень много.

Правда, немало было случаев, когда философы стремились адаптироваться к власти. Кончается это, как правило, весьма печально прежде всего для самих философов. Ярчайший пример этому – перипетии М. Хайдеггера. Нелли Васильевна Мотрошилова недавно проанализировала вышедшие только что последние тома полного собрания сочинений философа, так называемые «Черные тетради». В ее статье есть пассаж, где она, ссылаясь на мысль Х. Арндт о том, что философы часто стремятся найти себе прибежище «у тиранов и фюреров», говорит, что нет ничего опаснее для мыслителя, чем попытаться отождествлять свои теоретические рефлексии с различными политическими силами. К сожалению, в реальности такого рода стремления «войти во власть» у философов проявляются достаточно часто и не только в рамках господства тоталитарных идеологий. Хотя такое «слияние» для некоторых выглядит как идеальная форма сопряжения философии и власти – это модель просвещенной монархии, но, думаю, время просвещенных монархов и властителей завершилось. Как отметил в одном из своих романов Лион Вишневский (автор «Одиночества в сети») наступило такое

время, когда исчезли государственные деятели и остались только политики.

Но ведь философы, казалось бы, должны осознавать все это, не поддаваться искушению властью, если они, как мы отметили, свободные мыслители. Почему же это не так? Это особая и интересная тема для дискуссии. Часто это связано с тем, что наиболее активные мыслители рассматривают власть как некую дополнительную силу более эффективно и быстро провести свои идеи в жизнь. Прямо по К. Марксу. Идеи становятся действительной силой, когда они овладевают массой, а властные структуры, особенно сегодня, опираясь на самые разнообразные формы коммуникационного воздействия, безусловно, могут обеспечить такого рода распространение идей, а точнее просто в более жесткой, или более мягкой форме навязать их сознанию индивидов. Но тем самым, философское стремление к истине, по сути, подменяется прагматическими интерпретациями истины, а это неизбежно придает ей конкретный, а, значит, временный характер. Это уже не сфера философии, но, может быть, политологии. Философ думает, что он будет косвенно управлять правителем, выполняя функции наставника или советника. Хайдеггер тоже, наверное, как мыслитель думал о таком варианте, хотя даже близко не реализовал это. Властитель всегда жестко соблюдает дистанцию, ибо его главная задача – сохранить власть любой ценой, будет это совпадать с рассуждениями философа-наставника или нет. В случае временного совпадения интересов, философия просто фундаментализирует идеологию, в том числе и самую мрачную. В области политики, властный политик всегда «переиграет» философа, ибо это не пространство свободной мысли, доказательств и аргументации, а прежде всего пространство манипуляции сознанием других. Поэтому надежда философа на добавленную властью эффективность его идеям призрачна, все получается с точностью до наоборот.

Кстати, любопытно, что именно тоталитарные режимы, на определенной стадии, конечно, больше, чем демократические, заигрывают с философией, интеллигенцией в целом, ибо здесь индивидуальность

менее востребована, а нужны те самые общие идеи, овладевающие большими массами. Как правило, такой союз весьма непрочен, и для настоящего мыслителя, который будет продолжать искать истину, даже если она не устраивает массу, и для власти, когда эти поиски мешают реализации ее цели.

Дистанция от власти означает, что философ свободен в выборе идей, в том числе и самых экстравагантных, а уж дело политика использовать те или иные идеи или нет. Гармония здесь маловероятна. Соответственно, и ответственность за реализацию лежит на политике, сколько бы он ни ссылался на Макиавелли, Маркса или Ленина. Хотя, может быть В.И. Ленин – тот редкий случай, в личности которого слились в единое целое философские потенции и реальная политическая деятельность. Отсюда и эффективность реализации его планов, какими бы они ни казались нам сегодня ложными или правильными. И, кстати, именно такое слияние сразу вывело его за пределы классической теории К. Маркса, которая носила прежде всего концептуальный характер.

Таким образом, если сказать проще, не нужно философу лезть во власть. И даже если его приглашают, необходимо очень серьезно задуматься. Обеспечивая своим философским идеям «силовое» подкрепление, надо понимать, что лишь кажется, будто ты убедил других в своей истине, а на самом деле такие истины окажутся отброшены, как только будет утеряна власть или связь с нею. Выстраданная в тиши кабинета абстрактная идеология может овладеть массами, и такие примеры были, но не в силу ее истинности и обоснованности (как самостоятельное начало), а лишь в качестве дополнительного средства манипуляции сознанием.

В свое время закрепился неточный перевод знаменитого одиннадцатого тезиса К. Маркса, о том, что философы лишь различным образом объясняли мир, а задача состоит в его изменении. На самом деле речь у Маркса идет не о понятии «объяснение» (Erklärung). В его тексте используется понятие Interpretation, что значительно корректирует данный тезис. Это пример, если хотите, «идеологизированного перевода»,

так сказать, для усиления тезиса. Ибо объяснение есть в определенной степени проникновение в сущность объекта, то есть связано с истиной. А интерпретация – более «свободная» мыслительная операция, которая, в том числе, может носить и бессмысленный характер. Поэтому для философа, особенно стоящего на позиции понимания философии как метафизики, сама идея «прямого» изменения мира, то есть бытия, должна казаться странной, ибо бытие вечно, а изменяются и развиваются лишь его проявления. Для того чтобы интерпретировать мир, никакой власти не нужно, а вот чтобы его изменять, без материальной силы не обойтись, и власть здесь может оказаться необходимой. Для Мирового духа, как сказал бы Гегель, безразлично и время длящегося развития, и усилия, потраченные на него, и даже тот ресурс природный или человеческий, который на это потрачен.

Поэтому я достаточно настороженно отношусь к активной позиции философа как представителя властной структуры. Точнее, мне кажется, что, выполняя властные функции, человеку будет трудно оставаться внутри смыслового пространства философии. Здесь он должен будет решать конкретные проблемы, в том числе, возможно, и такие, которые далеко отстоят от его собственного философского понимания мира. Я понимаю подоплеку вашего вопроса, связанного с событиями, которые сегодня происходят в стране, в Донцке или на Украине, тем более что там тоже мелькают выпускники философского факультета (как и в событиях, например, в Киргизии). Но к философии данный тип социальной деятельности имеет очень мало отношения.

А как тогда быть с Александром Дугиним, который оказался в сложной ситуации на социологическом факультете МГУ?

Тут точно так же надо различать его деятельность как философа, то есть человека, рассуждающего о философских проблемах, по поводу которых мы можем дискутировать в рамках опять же смыслового пространства философии, и его деятельность как политика и общественного деятеля. В первом случае – это пространство мыс-

ли, во втором – пространство реальности, в котором присутствуют реальные люди и проблемы. Я хорошо знаком с Александром Гельевичем, читал ряд его работ, в том числе и подаренные мне автором. Это самостоятельный мыслитель, и какие-то его философские идеи мы можем принимать или не принимать. Например, его оценка современной массовой культуры с философских позиций мне достаточно близка, а вот интерпретация Хайдеггера – не очень. К его политической позиции я отношусь сдержанно, и она в ряде случаев представляется мне излишне радикальной. Но еще раз повторю: как мыслителя его отличает собственная позиция, которая, как и любые иные позиции, не может претендовать на истину в последней инстанции. Для него характерно, может быть, излишне эмоциональное выражение своих мыслей, а эмоции не всегда способствуют поиску истины, что отмечал тот же Гегель, говоря о том, что именно освобождение от эмоций является важным условием перехода к философскому мышлению.

С другой стороны, в реальной жизни и особенно наблюдая некоторые перипетии нашего развития, от эмоций, порой очень трудно избавиться. Эмоции вообще играют в нашей культуре большую роль, что связано с доминированием идеократического типа сознания. Власть идей самих по себе у нас всегда значительно выше, чем в других культурах. Кстати, такой тип мышления, особенно в ряде переломных моментов, очень удобен для относительно быстрого достижения той или иной цели. Такой тип мышления не требует особого обоснования, а опирается на систему идеологических ценностей, в основе которой, как правило, лежит центральная идея, которую просто принимают на веру. А в этом случае рациональное подчиняется эмоциональному, когда вера (во что-то или кого-то) первична по отношению к аргументации. Хотя здесь тоже содержится внутренне противоречивая проблема обоснования самой веры, даже религиозной. Помните, в Евангелии толпа, окружившая распятого Христа, вопила: «Если ты Сын Божий, яви нам Чудо! Сойди с Креста!». Но позиция Христа была иной. Это слишком просто – поверить через чудо. Вы сначала искренне поверьте, а уж чудо, может быть,

явится, а может быть, и нет. То есть даже вера должна иметь твердое основание. Отмеченная идеократичность русской культуры – это не какой-то ее недостаток, а некая особенность, которая имеет свои минусы, но имеет и преимущества. В частности, такое свойство весьма удобно для власти, но при одном условии: если во власть верят, а уж тем более, если верит большинство. В этом случае мы не вдумываемся в теоретические идеи, а влюбляемся в их носителей, готовых вступить бой с врагами и пр. Об этом не надо думать. В это надо верить.

Кстати, про идеократическую страну. У нас в Конституции есть статья, которая запрещает введение какой-либо обязательной идеологии. Но для любого человека, который имеет отношение к политике, очевидно, что некие «политические мировоззрения» существуют во многих странах. И мы, конечно, можем не называть это идеологией, но права человека как некая сверхценность, некая парадигма европейского общества – существуют. Своя квазиидеологическая парадигма есть и в США, есть некое синтетическое политическое мировоззрение и в современном Китае... Считаете ли вы, что для формирования некоего консенсуса, некой идеологии, мировоззрения конкретного общества необходимо участие философии, в том числе – национальной философии?

Сам запрет на идеологию как таковую – странное явление. Как можно запретить идею или совокупность идей? Понятно, что речь идет о «плохих» идеологиях, которые могли еще вчера быть «хорошими». Можно «нейтрализовать» носителей идей, но это тоже не гарантирует исчезновение идеологии. Причем с позиции государства идеология, если ее, например, будет выражать большинство, не просто не сможет быть запрещенной, а, напротив, даже если и вынужденно, будет учитываться или поддерживаться. Запрет на идеи – лучшее средство их рекламы и распространения. Поэтому идеи появляются, хотим мы или нет, запрещаем или нет, и когда их носителями становится достаточно большое число людей, они образуют идеологию. И именно поэтому же она присутствует во

всех обществах, как вы правильно отметили, лишь модифицируя свои формы.

Но также верно и то, что искусственным образом создать идеологию нельзя. Можно поддерживать те или иные идеи, поэтому большинство «конструируемых» политологами и литераторами идеологий являются просто вымышленными миражами, в которые верит лишь сам конструктор. Кроме того, мировоззрение индивида столь сложное образование, что может сочетать в себе буквально всё: научные взгляды, предрассудки, верования идеи и пр. Создать некое «научное мировоззрение» как совокупность системы лишь истинных идей невозможно. Не случайно Маркс, в отличие от Ленина, отрицал понятие научной идеологии, говоря о ней лишь как о совокупности иллюзорных воззрений индивида или группы людей. Если же мировоззрение группы людей становилось доминирующим, то оно просто поддерживалось государством, что и обозначалось идеологией.

Философия есть самосознание духа (Гегель), или душа культуры (Маркс). Следовательно, это тоже всегда совокупность идей, причем идей достаточно сложного теоретического плана. В этой ипостаси философия всегда будет окрашена в национальные цвета, поэтому никакую национальную философию специально создавать нет смысла, она просто есть в достаточно развитой в духовном отношении культуре. И уж конечно, богатейшая русская культура в целом, и наша литература необходимым образом выпестовали и соответствующие формы философии. И то, что эти философские идеи в чем-то отличаются от западных, вполне естественно. Более того, Россия сегодня, может быть, одна из самых философических стран в мире. Я когда-то использовал этот тезис, приглашая первый раз на наш философский факультет Ю. Хабермаса.

Да, для русской философии в большей степени справедливо, то, что она для западного сознания часто представляется как просто часть литературы, или, точнее, сама литература отождествляется с философией. Но это нормально, ибо каждая культура имеет собственных лидеров в сфере сознания, что определяется историей, спецификой языка и пр., и русская литература,

безусловно, являлась одним из лидеров мировой литературы. Почему же кажется странным тогда, если они были, да и часто остаются, так взаимосвязаны. Именно этим и объясняется тот факт, что, отвечая на вопрос о русских философах, представители западной культуры прежде всего называют наших классиков литературы. Как известно, «поэт в России больше, чем поэт». Это ее сила, но и ее слабость. Поэзия и литература больше связаны с эмоциональной частью человеческого сознания, но и философия бывает таковой и таковой она во многом была в России, когда ряд ее концепций претендовал на оригинальность. Ведь именно в России совершенно неожиданным образом для представителя Запада и именно по той же причине, вдруг возродился вариант платоновского учения о Душе, Софии и пр. И именно поэтому в нашем национальном сознании так сильны те самые идеократические компоненты.

Возвращаясь к идеологии. Идеология может лишь проникнуть в сознание. Не случайно у нас говорят о Русской идее, подразумевая, что мы интуитивно все ее осознаем. Но это скорее конструкт платоновского типа, в который каждый может вложить что угодно. Основной признак русской идеи, как и платоновской, – это ее недостижимость, что не отвергает стремления ее достигнуть. На мой взгляд, описать ее по типу выбора неких известных характеристик теоретически, конечно, возможно, но это бессмысленная работа. Эта идея уже присутствует в сознании человека данной культуры, и не столь важно искусственным образом конструировать ее составляющие.

Просто нас приучили к мысли об идеологии как о развитой теоретической и даже научной системе. Развитие понятия «научная идеология» принадлежит скорее Ленину, которому она понадобилась для выделения социальной материальной силы проведения этой идеологии и соответствующей партии в качестве, говоря современным языком, политической (или партийной) элиты. Не случайно о конструировании некой идеологии всегда много рассуждают именно представители политических элит. Доминирующая национальная идея – это сложный идеальный объект, сконструированный всей историей данной культуры.

Национальный образ мира лежит в основе одной из самых известных культурных дихотомий. Г.С. Кнабе обозначал ее как оппозиция «свой – чужой». Как бы мы ни признавали ценность другой культуры, она всегда выступает по отношению к нашей как иная, а значит, в пограничных случаях может стать враждебной. Именно так происходило общение между культурами в период господства локальных культур, всегда вызывая некое «напряжение» (Ю.М. Лотман) общения. И думаю, что никакой глобализм этого не снимет. Всегда поведение немца или поведение француза в ряде случаев будет отличаться от нашего поведения, что закрепляется в стереотипах восприятия. И, кстати говоря, все стереотипы чаще всего подтверждаются. Для себя мы часто неким неуловимым образом определяем представителя другой культуры. Мы все разные, но должны признавать и уважать культуру Другого. Философски рассуждая, система, основанная на единстве разнообразного, всегда богаче, гибче и полнее жестко единой системы, особенно при выполнении сложных задач. Например, сейчас много говорят об интеграции постсоветского пространства, но необходимо понимать, что интеграция должна быть основана на учете особенностей отдельных культур, тогда это будет естественное единство.

Вы сказали, что философы должны участвовать в обсуждении актуальных проблем, а вот этот вопрос обсуждается? Какие ходят разговоры, о том, что могло бы сыграть эту роль?

Обсуждается. Вот и мы сейчас с вами говорим. Я считаю, что самое большое упущение после перестройки, после распада Советского Союза – это забвение роли языка. В данном случае русского языка как языка межнационального общения. Что бы там ни говорили, мы прекрасно понимали друг друга на русском языке. Я сейчас вспоминаю такую любопытную вещь. Когда начала выходить 200-томная Библиотека всемирной литературы, мы по ночам стояли в очереди, чтобы купить абонемент на эти тома. Как мне помнится, первым или одним из первых вышел том Низами. И мы тогда не воспринимали поэта как представителя

другой страны. Он принимался сознанием как наш, свой, пусть и переведенный на русский язык. Тогда мне даже в голову не приходило, что это представитель другой и очень далекой культуры. Для нас тогда вся литература огромной территории Советского Союза, представлялась общей культурной ценностью, и объединял их именно русский язык.

Юрий Михайлович Лотман когда-то очень здорово сказал о живом языке: «Язык – это код плюс его история». Поэтому история любой страны фиксируется в языке, создавая языковое смысловое пространство культуры. Это затрудняет общение между культурами. На уровне обыденного представления это связано с незнанием языка другой культуры, но за этим стоит более серьезная проблема, ибо речь идет не просто о формальном незнании языка, а о сложности понимания тех смыслов, которые скрываются за тем или иным понятием. Общаясь, культуры адаптируются друг к другу, дешифруют смысловые коды, открывая «дорогу» смыслам другой культуры в свою, и, напротив, направляя смыслы собственной культуры в другую. Отсюда и «напряженность» коммуникации, которая всегда, как отмечал Д.С. Лихачев, реализуется в пространстве диалога – диалога культур. Простой пример. Попробуйте рассказать американцу анекдот о Штирлице. Представляете, какой дополнительный пласт объяснений потребуется? Надо будет рассказать, что была война, доказать, что в этой войне победил Советский Союз, а не только США. Затем как-то описать период застоя, во времена которого появился фильм, в котором была закодирована не только информация военного периода, но и в определенном смысле вскрыта структура тоталитарного управления на примере фашистской Германии, конечно, но относящаяся не только к ней. Искусство ведь всегда через конкретные образы говорит нам о более общих вещах. Короче, когда вы проведете все эти смысловые операции, будет уже не до анекдота как такового.

В этом смысле можно сказать, что за время существования имперской России, а затем Советского Союза было сформировано особое смысловое пространство, в той или иной мере опирающееся на множество

конкретных культур и этносов нашей страны, и во многом объединялись они одним языком – русским языком, который впитал в себя в том числе и понятия других языков данного пространства. В результате образовалась чрезвычайно сложная система культурных кодов. При всем разнообразии культур была и общая система ценностей, и общая линия героев и мифов, в общем, всего того, что составляет единую культуру. Конечно, как в любой империи здесь не обошлось без моментов иногда серьезного давления на другие культуры, но тем не менее единство – языковое и культурное – существовало. Именно поэтому, как я сказал выше, поэзия Низами или эпос Фирдуси воспринимались как часть общей культуры России. А это проявлялось и на уровне межличностного общения. Более того, государство, например, в период Советского Союза пыталось сочетать даже в системе партийного управления баланс между национальным (конкретной культурой) и доминирующей русской культурой. Как правило, за исключением, по-моему, только Украины, в период «застоя» первые секретари ЦК республиканских компартий и ЦК ЛКСМ союзных республик были представителями титульных национальностей, а вторые – русскими. Это обеспечивало баланс и поддержку русскоязычного населения, которого было очень много в разных регионах, и местного. Не всё, конечно, было здесь гладко, но тем не менее.

Поэтому самый сильный удар при распаде СССР был связан с ликвидацией русского языка как языка межнационального общения. В тот момент надо было задуматься и обеспечить поддержку русского языка легальными способами, в том числе и через финансирование изучения русского языка в других странах СНГ. Сегодня это ощущается как никогда, причем, в том числе, и со стороны других культур. Здесь надо поучиться у тех же американцев, хотя бы на примере способов и механизмов продвижения английского языка в других регионах мира (организация отдельных телеканалов, десантирование наборов для изучения языка и пр.).

К сожалению, это отношение к своему языку как к вторичному в последние годы даже усилилось. Конечно, необходимо знать

другие языки. Это условие коммуникации, условие диалога культур. Но нельзя, понимая, что английский язык действительно стал чуть ли не единственным языком научной коммуникации, делать его чуть ли не основным для своей культуры. В рамках нашей метафоры диалога культур – это наиболее примитивная форма диалога, когда собственный язык (а за ним стоит культура) просто перекодируется в другой, теряя все свои особенности. И надо иметь в виду, что этот процесс может развиваться стремительно. Когда Минобр призывает оценивать публикации на иностранном языке просто в силу этого выше, чем на русском, – это просто глупость, ибо оценивать необходимо содержание и качество работы, на каком бы языке она ни была опубликована. Если при этом ее высоко оценивают и в других культурах, это хорошо, но в целом ряде случаев для той или иной культура сама тема или содержание может быть просто не затребована. И что же теперь? Она не имеет права на существование? Если мы пишем филологическую работу о каком-то редком диалекте, присутствующем в нашей стране, то она может оказаться никогда не затребованной в другой. Это не критерий для отказа ей в статусе научной. Или нас уже призывают чуть ли не к установлению процента иностранцев, преподающих в наших вузах, – это не что иное, как еще один удар по своему языку. Особенно грустно и смешно, когда устанавливаются нормативы по чтению лекций на английском языке. Это понятно, когда приезжает соответствующий специалист, являющийся носителем языка. Это здорово, и аудитория должна слушать его на данном языке. Но, согласитесь, что абсурдно для русскоязычной аудитории, не очень хорошо знающей английский язык, слушать лекции нашего преподавателя, читающего их на плохом английском языке. А ведь именно так и произойдет, если ситуация будет развиваться в данном направлении. Тогда уж проще запретить разговаривать на русском языке в России, и через некоторое время наши индексы цитирования и параметры публикационной активности, безусловно, повысятся. Но... это будет уже не наша культура. Кстати, ведь Россия уже переживала нечто подобное, но в меньших масштабах при

основании Московского университета, когда были вынуждены приглашать много иностранной профессуры. Но тогда это была вынужденная и необходимая мера. Тем не менее уже очень скоро крупнейшие мыслители, включая М.В. Ломоносова, осознали это и стали «продвигать» преподавание на русском языке. Близко к этому стоит и пример Лютера, переведившего на немецкий язык Библию. Поэтому и в научной сфере необходимо продвигать русский язык, финансируя русскоязычные журналы, их переводы, стимулируя публикации зарубежных ученых в наших журналах. Когда-то, как вспоминал наш ректор В.А. Садовничий, математики, которые приезжали в Россию на конференции из Англии или Франции, делали доклады на русском языке. Понятно, почему. Потому что наука в стране была одним из лидеров мировой науки.

Хотелось задать вам вопрос о нашей системе образования и о том, что с ней сейчас происходит. В какой мере она справляется со стоящими перед ней задачами? Мои друзья в Германии, например, очень удивлялись не так давно прозвучавшим высказываниям, что образование должно готовить квалифицированного потребителя. То есть, по замыслу, это – дань Европе, на которую мы так любим равняться. Там общество потребления, там капитализм: давайте и мы все сделаем, как у них, и подготовим таких же людей. Но в Европе многие особенности нашей реформы образования звучат странно. Например, что у нас академическое сообщество не согласно со многим, что происходит в системе образования. А кто же еще должен определять судьбу образования... Возникает вопрос: что у нас не так, кто виноват и что делать?

Образование – это системообразующая часть культуры. Поэтому это отнюдь не праздный, а очень важный вопрос, когда утверждается, например, что образование существует исключительно для обслуживания интересов работодателя. Напротив, государство должно ценить, что появляется много образованных людей, даже если гипотетически некоторая часть из них сразу не найдет работу, потому что эти люди образуют будущее культуры. И если обра-

зование – это системообразующая часть культуры, то надо понимать, что, разрушив ее, мы в будущем получим то, что изменить будет уже невозможно. То, что происходит сегодня в образовании, погружает нас в некую точку невозврата, из которой мы, возможно, уже не вылезем. В России всегда проблемы с реформами. Посмотрите. Реформа образования в России длится с начала 1990-х годов, то есть более двадцати лет. То есть уже целое поколение школьников, студентов, учителей и преподавателей живут внутри некой неустойчивой системы и вынуждены подстраиваться под текущие изменения, которые часто определяются личностью министра, политической и экономической ситуацией и т.д. Это, конечно, отражает, с одной стороны, сложность самой реформируемой системы. Но, с другой – непродуманность ее целей, а, значит, и конкретных шагов, бросающих нас из стороны в сторону. Реформа (не обязательно образования), которая длится слишком долго, неизбежно превращается в свою противоположность – контрреформу, в рамках которой приостанавливаются или «подчищаются» неверно принятые решения. Когда стало очевидно, что реформа «неожиданно» затягивается и не получает одобрения, то ее вписали в более общий термин «модернизация», которая уже не имеет границ (а значит, и четких целей) и может длиться бесконечно. Более того, процесс модернизации, как декларировалось изначально, должен был перевести страну на индустриальные рельсы по западным моделям развития. Модернизировали, модернизировали и вдруг именно сегодня стали сомневаться, а устраивает ли нас этот путь модернизации. Но механизм запущен, маховик крутится. На каком-то уровне осознали, что нужно учитывать и свои интересы, а реформа образования все еще дорабатывает предыдущие цели. Это характерно для России, что, кстати, совсем недавно на Селигере отметил и В.В. Путин. Модернизация в России – это волнообразное движение, и на гребне волн оказываются то радикальные либералы, защищающие права и свободы человека, но одновременно игнорирующие социальные стороны жизни людей, то идеологи государственного патернализма, которые часто пренебре-

гают реальными законами экономики. Ну, и так далее. Это долгий разговор.

В образовании также выделяются позиции либералов, которые иногда абсолютизируются до позиции слома всего старого, в том числе и позитивного, любыми путями. То есть новизна изменений становится ценностью самой по себе. И позицию «консерваторов» в данной ситуации вряд ли можно классифицировать как принципиальный отказ от реформирования образования, а скорее как сдерживающий фактор непродуманных реформ. В этой ситуации делу могло бы помочь экспертное сообщество, включающее представителей обеих сторон, но его в нашей стране не существует, а экспертами часто выступают просто назначенные случайно люди, которых называют «реформаторами». Их потом можно переназначить, что превращает реформу в непрерывный колебательный процесс в виде смены волн реформ и контрреформ. Думаю, что если бы не консерватизм, в котором очень часто обвиняют как раз Московский университет, система образования была бы уже давно деформирована полностью. Причем это консерватизм вполне здравый, ибо идет от сути понимания сущности образования как системы, которая корнями уходит в традиции университетского образования, обеспечивая его преемственность и создавая фундаментальные условия для развития науки. Для обывателя это не всегда лежит на поверхности. Вот недавно в прессе были очередные, как всегда мелкие, нападки на В.А. Садовниченко, что он, всегда критиковавший ЕГЭ, вдруг выступил с тезисом о необходимости его совершенствования. Но он же выступал против ЕГЭ до определенной точки невозврата и в какой-то момент остался чуть ли не единственным на этой последовательной позиции. Однако решения были приняты. Если метафорически это проиллюстрировать, то нас уже бросили в бурный поток под названием «ЕГЭ», и мы барахтаемся внутри него, не очень понимая, можно ли выбраться на берег. Что остается в этой ситуации? Постараться выплыть, то есть совершать некоторые действия, помогающие этому, то есть действительно совершенствовать ЕГЭ, дабы окончательно не утонуть в этом

потоке. Думаю, что, конечно, реформу образования можно было проводить без введения ЕГЭ и еще ряда «странных» мер, тем более что большинство стран не имеют систем отбора лишь по результатам общих экзаменов. Даже если где-то есть система тестов, то она дополняется многими другими параметрами, которые могут вводиться в том числе и отдельными ведущими университетами. Я об этом много писал и выступал в свое время.

Таким образом, здоровый консерватизм обеспечивает сохранение социальной системы в устойчивом состоянии. Именно устойчивое состояние системы обеспечивает последовательное и эволюционное ее развитие по всем направлениям. Поэтому, как мне кажется, консервативная позиция в образовании наиболее верная. Традиция не может быть разорвана, нельзя просто взять и произвольно отбросить какие-то ее части. Нам сейчас говорят «вы консервативны», а мы строим инновационный университет. Самое смешное, что наиболее инновационной формой университета является классический университет. Именно здесь – и так было задумано изначально – профессор и ученый совпадают в одном лице, ибо именно здесь ученый излагает свои научные изыскания с кафедры молодому поколению, тем самым вводя их в науку. Это смысл гумбольдтовской модели, которая, на мой взгляд, не устарела нисколько, если ее полностью реализовывать и развивать. Но, в отличие от нынешней ситуации, в ее реализации была одна особенность, которая, увы, постепенно исчезает и связана с особым типом отношений между государством и университетом, которая изначально была принята как основная. Эта модель базировалась на доверии государства университетскому сообществу. Иначе говоря, в области финансирования государство предоставляло университету деньги на образование и научное исследование, не требуя непосредственного, а тем более быстрого результата. И именно это и обеспечивало результативность, ибо ученый в этой ситуации не был напрямую связан с обязательствами раз в месяц делать открытие. А сегодня логика другая. Нам говорят, мы вас финансируем, давайте результаты. При этом забывают, что в уни-

верситете одним из важнейших результатов является обеспечение и научение студентов знаниям, которые не лежат лишь в области новейших открытий. Посмотрите, все требования к эффективности образования ныне находятся далеко от понимания сути образовательного процесса. В результате университетская наука переводится на «грантовые рельсы». А это нацеливает ученого на относительно быстрый результат. Но поскольку в фундаментальной науке быстрых результатов почти не бывает, то реально происходит имитация научной деятельности. Ученых упрекают, что они в лабораториях с утра до вечера «чай гоняют», а не занимаются научными открытиями. Но значимость открытия в фундаментальной науке иногда становится понятна через двадцать, тридцать, сорок лет. Посмотрите на лауреатов Нобелевских премий – и через сколько лет были признаны их открытия. Поэтому уж чай они, безусловно, окупают. В фундаментальной науке грантовая система может работать лишь как вспомогательная, когда ученый, который, например, занимается исследованием ядерных процессов, имеет мощнейшую фундаментальную базу, имеет лабораторию, а гранты только добавляют ему ресурсы для новейшего оборудования и комфортных условий работы в лаборатории. Здесь классическая установка «утром деньги, а вечером стулья» не может работать эффективно.

Мы уже серьезно разрушили образование, переведя его на странную систему «бакалавр – магистр». Кстати, я еще в девяностых годах писал об этом – что, вообще-то говоря, если вводить такую систему, то сделали бы два года бакалавриата, где молодой человек выбирает, куда он пойдет, а потом четыре-пять лет магистратуры. Благодаря ЕГЭ мы разрушили, может быть, самое главное при поступлении человека в вуз – мотивацию при выборе специальности. Какая мотивация, если абитуриент выбирает одновременно несколько, в том числе и разнородных специальностей при поступлении. Сейчас хотя бы ввели ограничения для такого выбора, но ведь были случаи, когда в МГУ абитуриент записывался на двадцать факультетов одновременно. Причем сами абитуриенты в этом не виноваты. Их поставили в такую ситуацию, ког-

да в школе они не получают постепенно от класса к классу знания, затачивающиеся на отдельную или близкую группу наук, что реализуется в выборе вузовской специальности, а их просто натаскивают на сдачу ЕГЭ. Школа из системы, обеспечивающей знание, превратилась, особенно в старших классах, в официальное натаскивание, которое к системному знанию имеет очень далекое отношение.

Вот вы упомянули Германию. Но там в основном нет экзаменов в вузы. Там образование преимущественно бесплатное, хотя наши министры образования все время убеждают нас, что переход на платное образование – это некий современный мировой тренд. А почему нет вступительных экзаменов? Кто такой в Германии «абитуриент»? Человек, получивший «абитуру», то есть, по-нашему, аттестат об окончании гимназии. Для этого необходимо двенадцать-тринадцать лет проучиться. Для этого надо попасть в гимназию или гимназические классы. А туда попадают порядка 30% общего числа школьников. То есть отбор осуществляется на более ранней стадии еще в школе – и, конечно, в этих условиях в вузы экзамены не нужны. 30%! А у нас в вузы желают поступить более 90% процентов окончивших школу, и у них нет иных альтернатив, ибо системы других типов образования (техникумы, ПТУ) разрушены.

Сейчас, после последнего послания Президента Федеральному Собранию, начинает формироваться новая геополитическая концепция, основанная как раз на прозвучавшей цитате из Бердяева. Что фактически Россия встает на защиту традиционных ценностей, то есть не только собственного «культурного кода», но и моральных и культурных ценностей, общих если не для всех, то для многих. Что Россия вновь себя позиционирует как «консервативный фланг Европы». Что внутри знакомой нам Европы, наряду с новым «культурным кодом» – глобализацией, стандартизацией, мультикультурализмом, ультралиберализмом, гипертрофированной политкорректностью и этическим индифферентизмом – жива еще старая Европа, которая сопротивляется этому, и что мы солидаризуемся с ней. Насколько с вашей лично точки зрения эта роль характерна для

России, для нашей истории и культуры и насколько вы с этим согласны?

Я абсолютно согласен с тем, что Россия – самодостаточная страна, опирающаяся на высочайшие культурные традиции. Но я против раздувания «мессианской роли» нашей страны, характерной, как мне кажется, скорее для неуверенного сознания, которое вместо спокойной позиции осознания значения собственной культуры в мировом культурном процессе, ставит задачу ее защиты. Думаю, что ценность для мировой культуры Достоевского или Толстого, Чайковского или Бородина, Бердяева или Шпета очевидна и не требует защиты, которая как процесс приводит чаще всего к выстраиванию системы врагов и борьбы с ними, в том числе, как правило, в самой эффективной форме, то есть в форме унижения, отказа от признания собственной значимости и т.д. Мне не очень нравятся в рамках действительно необходимого диалога культур, приведенные вами конструкции типа «консервативного фланга Европы» и т.п. Это все из военной терминологии, которая не способствует диалогу. Иное дело, что мы должны систему наших собственных ценностей уметь довести до представителей других культур, помочь раскрытию тех самых культурных кодов, о которых говорил Ю.М. Лотман. Думаю, что большинство людей в мире находятся внутри такого культурного диалога, и не надо их смешивать с политиками, которые стараются решать проблемы монологическим образом, не учитывая Другого.

Мессианская установка – это тоже признак идеократического сознания, в котором самым лучшим путем считается путь веры в идею, в том числе и без ее осмысления. Я как-то читал лекции в Италии, они назывались «От любви до ненависти один шаг». И завершал их рассказом о восприятии марксизма в России и о перипетиях его развития в советский период. Это действительно интересно. Марксу, который скептически относился к России, принадлежит малоизвестное высказывание о том, что он всегда ненавидел русских, но они носили его на руках. Понятно, что эта «ненависть» была вполне конкретной, например, по отношению к Герцену или Бакунину. Так же

известно, что портрет Засулич стоял у него на письменном столе. В то же время отношение к нему у интеллигенции было весьма прохладным, включая, например, и Чернышевского, который получил авторский вариант «Капитала». Исторический анекдот, не берусь гарантировать его истинность, говорит о том, что Чернышевский из страниц «Капитала» делал кораблики и пускал по Волге, по-видимому, так рассматривая возможность распространения марксистских идей. Но любопытно и иное. Ряд работ Маркса впервые был переведен и издан именно на русском языке, а Манифест еще и с предварительного одобрения императора. Но затем, в связи с господством идеологии марксизма-ленинизма (с большинством положений которой Маркс как ученый вряд ли бы согласился), Маркс просто стал практически национальным героем, некоей идеей революционера вообще. А героя не нужно понимать рационально, в него надо влюбиться и верить. Однако, как известно, любовь такое чувство, в котором объект любви должен все время подпитываться и наполняться положительными интерпретациями и восприятиями. Это не всегда удается выдержать долго, и тогда наступает разочарование. В этом случае объект любви может стать ненавистным и даже враждебным. Соответственно, так на уровне массового сознания произошло и с Марксом, то есть, как я говорил на той лекции, расставание, после перестройки особенно, происходило по образцу «развода по-итальянски». Действительно, Маркса как ученого даже на философских факультетах читали и знали хорошо лишь немногие и просто пользовались выхваченными и препарированными идеями, типа разделения раннего (не очень отвечающей нашей идеологии) и позднего Маркса и т.д. Вы можете, конечно, не поверить, но я прочитал всего Маркса, изданного на русском языке, включая и тома с письмами и даже том со стихами, посвященными его супруге Женни. В одном из писем, кстати говоря, зрелый Маркс пишет, цитирую по памяти: «Когда я смотрю на твой портрет, я понимаю, что мне не нужен ни пролетариат, ни мировая революция, а мне нужна, Женни, только ты». Это тоже Маркс, которого не знали и не знают. Мне повезло. Я слушал до сих пор работающего на факультете поли-

тологии профессора Багатурия, наверное, последнего настоящего знатока Маркса в нашей стране.

Думаю, нашу культуру не надо ни от кого защищать да еще с помощью военной терминологии. Россия действительно для многих на Западе является своеобразным явлением. Я не сторонник множества теорий евразийства, но нельзя не отметить действительно важной геополитической позиции России. В силу исторических обстоятельств Россия выступает для Запада началом или преддверием Азии, а для Азии, напротив, преддверием Европы. Именно поэтому за всю нашу историю либо с той, либо с другой стороны предпринимались попытки что-то у нас отхватить. Но при этом, отхватывая и часто обещая нам соответствующий статус, позже всячески показывали нам «наше место», обвиняя, например, в азиатчине. Таким образом, очень часто спор цивилизаций решался на нашей территории. В результате наша страна обречена в геополитическом смысле (а нынешние события лишь подтверждают это) иметь большую и даже огромную территорию, что просто позволяет отодвигать границы для обеспечения безопасности. И именно поэтому необходимо понимать: в Европе нас не очень ждут, опасаясь азиатского влияния, а в Азии мы были нежелательны, так как приближали ее к европейской системе ценностей, что тоже не всегда было желательно. И вполне естественно для Европы включить в орбиту своего влияния кого угодно, особенно если это располагается близко к нашей границе, и, думаю, нельзя сбрасывать со счетов, что такой же позиции может придерживаться и азиатская сторона.

По отношению к Западу Россия всегда выполняла охранительную функцию, принимая на себя первые удары азиатских агрессий и растворяя на своем пространстве не менее агрессивные западноевропейские массы, не позволяя напрямую столкнуться пространственно отдаленным культурам. Россия была в определенном смысле геополитической жертвой, принимая на себя удары азиатских нашествий, или, наоборот, западного, немецкого, крестового или ливонского нашествия. Такое геополитическое положение, наряду с сопровождающими трудностями, безусловно, имело и

положительное начало, связанное с умением интегрировать в себе, именно интегрировать, а не растворять полностью, самые разные культуры. Мультикультурализм, о котором так модно говорить ныне на Западе, для России всегда был естественным состоянием. И здесь именно западной демократии можно было бы у нас поучиться. Сегодня Россия отказалась впрыгивать в цивилизационный поезд глобализации, состав и направление которого определили для всех и без нас. Европа в этом отношении тоже не представляет целого. Вот совсем недавно на международной конференции, которую проводил наш Конституционный суд, председатель конституционного суда Австрии Герхард Холцингер выступил с жесточайшей критикой идеи единой Европы с точки зрения права. Он говорил, мы живем в Австрии, у нас решения принимаются демократическим путем, за них голосует сам народ Австрии или законно избранные им представители. Это тоже очень любопытно – международное право же возникло как некий механизм после Первой Мировой войны, а наиболее ярко проявилось на Нюрнбергском процессе и было вынуждено принимать такие формы, когда страны собрались для осуждения фашизма. Сегодня международное право может касаться действий индивида, которое вовсе не противоречит своему национальному праву. Но поскольку абстрактного права нет, то за этим стоит реальная правовая система, тоже в свое время возникшая в рамках собственной культуры, но которая почему-то навязывается всем как единственно верная. И поскольку за любой правовой системой стоит система собственных культурных ценностей, то понятно, что такое навязывание правовой системы не может полностью устраивать национальные системы права. Это очень серьезный вопрос – насколько одна страна может навязывать принципы определенным образом понимаемой демократии другим странам. И вообще это странно, что демократию надо навязывать. Мне всегда казалось, что она должна культурно вызревать естественным образом. Понятно, что речь идет об американской модели демократии. Но ведь американская культура очень молодая. Как сказал посол США на

250-летнем юбилее МГУ (мы этого сами не замечаем), вообще-то США моложе МГУ. Поэтому для политического сознания США характерен подростковый тип поведения, когда собственные ценности пытаются оправдать и навязать всем. Но есть еще Россия, Франция и Германия, есть Китай. Последний по отношению к этому подростку является глубоким старцем. Может оказаться, что в мировой истории вся история США будет лишь маленьким «эпизодом».

Когда вы говорите о национальном языке, то имеете в виду достаточно общее понятие. Язык как речь и совокупность символов, текстов, образов.

Конечно. У культуры и языка тут есть два измерения. Есть горизонтальное – это контакт между культурами, теми, которые живут сейчас с нами на земном шаре, это одна ситуация. Тут одни проблемы, связанные с языком, пониманием и переводом, которые значительно усложняются, если добавить сюда второе измерение – временное, вертикальное. Представьте себе, что вы сегодня переводите на современный русский язык средневековый китайский текст. А в языке это все содержится в снятом виде. Мы же сами как русские люди очень легко понимаем тот же анекдот о Штирлице, и нам не нужно лишних пояснений. А в ситуации глобализации сегодня маленькие дети могут очень хорошо знать, кто такой Микки-Маус, но при этом не знают героев русских сказок. Навязывание культурных символов в результате экономического и технологического лидерования – это как привнесение вируса в другую культуру, когда она начинает модифицироваться изнутри. Мы не замечаем, что у нас становятся одинаковыми улыбки, одинаковыми телефоны, одинаковым тип поведения и, наконец, совсем скоро может быть, одинаковым язык. Я обозначаю это процессом трансформации культуры, то есть особого типа изменения системы, которая происходит подспудно и незаметно за счет встраивания в нее чужеродных элементов.

А как вы считаете, эти изменения в общественном сознании, в результате которых все хотят идти работать в офис, а кто та-

кой слесарь толком не знают, обоснованы сменой индустриального общества на информационное? Есть мнение, что этот процесс, к сожалению, идет, что называется, «на опережение», потому что общество все еще не настолько информационное, как это стало модно считать.

Ну, ответ на этот вопрос очень прост! Вы картошку покупаете на рынке? Откуда она? Из Израиля. Согласитесь, это же абсурд. Но на самом деле это ведь просто разделение труда и законы рынка, когда израильская картошка оказывается дешевле, чем собственная. Соответственно, страна, которая превращается в страну не столько производящую, сколько добывающую полезные ископаемые, ориентирует молодых людей не на сферу производства чего-либо, а на иные сферы, в частности, сферы связанные с продажей, перепродажей и пр. Вместо человека-производителя (или рабочего), человек торгующий или покупающий. А это действительно можно делать, не выходя из офиса. Вот вам и «офисный планктон». И, кстати говоря, реформа образования последних лет во многом увеличила объем этого планктона за счет миграционных процессов через сферу образования, когда молодые люди стараются всеми правдами и неправдами, получив образование, закрепиться в центре, ибо здесь выше качество жизни.

Более того, финансовые запросы такого слоя населения весьма высоки и очень часто доходы достаточно стремительно становятся впечатляющими по отношению к людям, работающим на производстве или в тех же вузах. Приведу такой пример. Дискуссия в Германии. Девушка, дочь одного из наших профессоров, с пафосом рассказывает немцам о протестных движениях в Москве, показывая на презентации фотографии движущихся с протестом по Садовому кольцу машин. Мы вообще любим за рубежом сами себя высмеивать. Я не выдержал и, поскольку знаю психологию немцев, попросил вернуть пару кадров назад для моего комментария. Они вернули. Я прошу немцев обратить внимание на марки машин, водители которых протестуют против правительства. Мы знаем доминирующие марки машин в Москве – «БМВ», «мер-

седес», «лексус», которые – об этом еще не все немцы знают – стоят у нас процентов на тридцать – сорок дороже, чем у них. Я уж не говорю о том, что молодой человек за рулем дорогой машины в Германии, да еще если он студент, – это огромная редкость (либо он приехал из России). Отношение аудитории к страданиям протестующих москвичей сразу несколько поменялось, да, думаю, и докладчица сама это осознала. Во многом протесты, особенно в Москве, носят характер «тусовки», для многих участников которой безразлично, по поводу чего она состоялась.

У меня сложилось впечатление, что вообще все эти события сыграли, как ни странно, положительную роль. Благодаря им государство стало активнее, на разных его уровнях пришло осознание, что надо не только пресекать какие-то особенно явные попытки разложения, но и действовать без этих стимулов в правильном направлении, играть на опережение, пока инициативу не отобрали... Вы справедливо отметили, что нас сейчас везде окружают эти «вирусы», не столько иностранные – а то под это понятие можно будет даже сказки братьев Grimm подвести, – сколько принадлежащие вот этой новой глобализированной культуре, частицы которой заражают всё и вся и, к сожалению, выигрывают в конкурентной борьбе. Вот ребенку предлагают две книжки: детскую про Бабу-Ягу и комикс про Микки-Мауса, а он выбирает комикс, потому что там картинка ярче... Скажите, насколько, по-вашему, традиционная культура является «заразительной»? Русская культура, например – не только древняя, в XX веке тоже много чего «нашего» и традиционного было написано и создано и в детской литературе, и во взрослой тоже, и в других видах искусства. Насколько она сама может быть таким «вирусом», в какой мере обладает потенциалом привлечения к себе людей, которые принадлежат к другой культуре?

Мы тут сами уже себе противоречим – все далеко не так печально. На западе русская литература является одним из самых популярных брендов. Когда я прошу у немцев назвать двух-трех русских философов – называют Достоевского, Толстого

и Тургенева или Чехова. Для них русская литература действительно представляется весьма философичной, как это и есть на самом деле. И это отвечает истории нашей культуры, если не пытаться, как у Зеньковского, начинать историю русской философии от юридивых. Все культуры различны и, безусловно, философия как таковая в России возникла достаточно поздно, когда в Германии завершался немецкий идеализм. И это была особая форма философии, представителями которой, от Соловьева до Бердяева и современных представителей, можно гордиться, так же как и нашими писателями, художниками, композиторами и учеными. Просто необходимо эти образцы нашей культуры распространять и понимать, что это, в том числе, может иметь и эффективные экономические следствия. И, конечно, активно проводить культурную политику по распространению знаний о нашей культуре в средствах масс-медиа. Мы же намертво в этом отношении «опустили» наше телевидение, на экранах которого почти не осталось умных передач, а лишь сериалы по западным лицензиям. Наше телевидение, по существу, является подростковым, несмотря на то, что нынешние подростки его не смотрят. Просто за счет низкого качества телевизионных передач мы уже создали целое поколение подростков, которые далеко вышли за биологический подростковый возраст. Практически полностью отсутствуют образовательные программы. Их гораздо меньше, чем было в советское время. Когда я был подростком, на телевидении был образовательный канал, где учили немецкому, французскому, японскому – и иногда хорошо учили! Попробуйте сейчас это найти. Интернет все это не заменяет. Попытки подменить все Интернетом – это тоже утопия.

А конкурентные преимущества отечественной культуры есть. И то, что русскую культуру обожают за рубежом, это факт. Посмотрите, сколько наших оперных певцов являются солистами крупных мировых оперных театров. Сколько у нас замечательных композиторов и музыкантов... Так что здесь и думать нечего, просто это надо поддерживать, в том числе и финансово. Это факт. Должна быть культурная пропаганда.

Скажите пожалуйста, а как вы относитесь к крымским событиям, какую, по-вашему, реакцию они вызвали в мире?

Как к событию, которое уже свершилось, и которое вряд ли можно повернуть вспять. Меня удивило в Германии (правда, это было весной) спокойное отношение людей, в том числе и в среде профессуры, хотя нельзя сказать, что они были в восторге от этого. А вот то, что происходит в средствах информации, меня просто убило. Можно сколь угодно долго критиковать свою систему, мы все это очень любим, но такого «выстраивания идеологии» в средствах информации Германии я не ожидал, учитывая, что формально здесь нет единой идеологии и доминирует плюрализм, то есть разнообразие точек зрения. Но не могут же

все вдруг одновременно начать мыслить одинаково, тем более в рамках бесед это так и было. Следовательно, масс-медиа превратилась сама по себе в достаточно жесткую манипулируемую систему, несмотря на внешнее разнообразие ее форм и отражения разных политических, культурных и других взглядов. Были по-своему одновременно грустные и смешные эпизоды, они не всем, наверное, понравятся, когда многие профессора, например, в Бонне и Гейдельберге в личных беседах говорили, что до данных событий они были уверены, что Крым является российским. Кстати, это еще одна особенность, проявляющаяся в оценке последних событий, когда люди говорят по-разному, так сказать, официально и «между собой», что характерно даже для официальных лиц.

